

Ли Шу огляделся по сторонам и, хоть и знал, что вокруг никого нет, понизил голос еще сильнее:

— Су Вэньюнь, заместитель главы Судебного приказа. С ним шутки плохи, так что впредь старайся держаться от него подальше. В Судебном приказе двое заместителей, и должность у него всего лишь четвертого ранга, но именно в его ведении находятся все провинившиеся чиновники Поднебесной. К тому же он пользуется безграничной благосклонностью Его Величества. На Террасу Восхождения к Бессмертным, помимо господ из Центрального секретариата, имеют доступ лишь Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ, министр финансов Ван Цзыфэн да он, Су Вэньюнь.

Тан Шэнь прищурился.

Су Вэньюнь!

«Седьмого дня восьмого месяца двадцать четвертого года Кайпин Его Величество призвал заместителя главы Судебного приказа Су Вэньюня. Император молвил: "Прошлой ночью привиделся нам страшный сон: узрели мы, как стонет люд простой в темнице, омывая решетки кровавыми слезами". Министр Су ответил: "Милосердие Вашего Величества безгранично, смиренному слуге вовек с ним не сравниться". Император молвил: "Скорбь Поднебесной — наша скорбь. Разделяешь ли ты, Су, нашу печаль? Должно одарить люд простой милостью и благословить народ, посему мы объявляем великую амнистию!" В тот же день император династии Сун даровал прощение преступникам».

Раз Су Вэньюнь ведал делами всех провинившихся чиновников в Поднебесной, значит, два года назад Чжун Тайшэн тоже находился в его власти!

Стоило ему об этом подумать, как двери зала вновь распахнулись и оттуда вышел Су Вэньюнь.

Тан Шэнь опустил глаза, на этот раз решив не смотреть на него. Темно-красный силуэт скользнул с Террасы Восхождения к Бессмертным и, проходя мимо Тан Шэня и Ли Шу, словно бы на мгновение замер. Но, возможно, это было лишь иллюзией — чиновник продолжил свой путь и вскоре скрылся из виду.

В последующие несколько дней Тан Шэнь больше не видел, чтобы другие чиновники входили на Террасу Восхождения к Бессмертным или покидали ее.

К обязанностям придворного историографа он привыкал все больше, и работа спорилась в его руках. У Яо Шаня дела шли не столь гладко. Будучи младшим историографом, он должен был лишь дополнять записи старшего коллеги, выявлять упущения и приглядывать за процессом, тогда как основная задача по ведению записей лежала на Тан Шэне. Однако Яо Шань долгие годы посвятил военному делу, и его кисть не поспевала за кистью Тан Шэня. Записывая изречения императора, он то и дело отставал.

Незаметно наступил одиннадцатый месяц.

В начале одиннадцатого месяца Тан Шэнь вернулся домой и застал там Яо Саня. Тот, укутанный в меховое платье, ждал его уже давно. Заметив Тан Шэня, Яо Сань тут же поспешил навстречу:

— Молодой хозяин, дела на границе пошли совсем не так, как мы предполагали. В письме всего не опишешь, поэтому мне пришлось вернуться. Я слышал, управляющий Лу уже выбрал место для Терема Сися и выкупил здание под трактир, а вот у меня возникла заминка. — При

этих словах лицо Яо Саня залила краска стыда. — Я приехал вот зачем. Во-первых, я хотел бы забрать управляющего Лу с собой: с ним на месте будет куда проще. Во-вторых... я бы хотел попросить вас тайно отправиться вместе со мной.

Тан Шэнь нахмурился:

— Тайно поехать с тобой?

Яо Сань с горькой усмешкой ответил:

— Вести дела с киданями оказалось гораздо сложнее, чем я думал. О столь важных вещах я не решаюсь судить в одиночку. Только у вас достанет смелости и только вы умеете соблюсти меру. Места там беспокойные, поэтому я хотел предложить вам переодеться слугой и поехать следом за мной и управляющим Лу — так мы сможем уберечь вас от опасности.

Тан Шэнь задумался.

— И насколько продвинулись переговоры на данный момент?

— Лишь на три десятых.

Это было куда меньше, чем ожидал Тан Шэнь.

— Три десятых — лишь потому, что по многим вопросам я не осмеливаюсь принять окончательное решение, — пояснил Яо Сань. — Но если поедете вы, дело будет сделано на все девять!

Тан Шэнь взвесил все за и против.

— Хорошо. Через три дня у меня выходной, я возьму еще несколько дней отгула и поеду с тобой.

На следующий день, придя на службу, Тан Шэнь доложил о своей просьбе временно освободить его от обязанностей своему начальнику Ли Шу. Тот даже не стал расспрашивать о причинах и сразу подписал прошение. Выйдя из управы Центрального секретариата, Тан Шэнь невольно вздохнул: «Как же легко решать дела, когда при дворе есть связи! Иметь надежного покровителя — сплошное удовольствие!»

Через несколько дней ему предстояло покинуть Шэнцзин, и Тан Шэнь поймал себя на мысли, что уже полмесяца не навещал двух своих главных покровителей.

Сказано — сделано. Закончив дела в управе, Тан Шэнь захватил несколько местных гостинцев, которые Тан Хуан привезла из управы Гусу, и поспешил в поместье Фу. Фу Вэй как раз занимался живописью. Увидев гостя, он с порога воскликнул:

— Цзинцзэ пришел! Ну-ка, взгляни и оцени это творение твоего учителя.

Тан Шэнь промолчал.

«Учитель, великими творениями ваши работы должны называть другие, негоже хвалить себя самому!»

Вручив подарки Фу Вэю и побеседовав с наставником по душам, Тан Шэнь подхватил оставшиеся коробки и направился в Резиденцию министра.

Какая неудача: Ван Чжэня дома не оказалось. Как пояснили слуги, он ушел во дворец на аудиенцию к Его Величеству и в ближайшее время возвращаться не собирался.

Немного подумав, Тан Шэнь сказал:

— Я подожду старшего соученика здесь.

— Слушаюсь, — ответил дворецкий.

Время близилось к полночи, небо усыпали мириады звезд. Устав за день, Тан Шэнь в конце концов не выдержал и, прислонившись к спинке кресла, задремал. Сквозь сон он почувствовал, как что-то защекотало ему нос. Невольно отмахнувшись от помехи, он услышал звонкий шлепок. Сон как рукой сняло. Тан Шэнь распахнул глаза и увидел склонившегося над ним Ван Чжэня, который смотрел на него с крайним изумлением.

Соученики долго молча смотрели друг на друга. Наконец Ван Чжэнь нарушил тишину. В его голосе сквозила обида и легкое недоверие:

— Младший соученик, ты...

Тан Шэнь окончательно растерялся.

Он спал в кресле, почувствовал щекотку и чисто машинально отмахнулся. Но судя по позе, в которой застыл Ван Чжэнь, тот, должно быть, наклонился рассмотреть его, прядь волос коснулась носа, а он в ответ...

Он ведь только что влепил Ван Чжэню пощечину!

Вот проклятье! Он пришел выразить почтение и преподнести дары, а вместо этого ударил Ван Цзыфэна по лицу! Примет ли тот теперь его подарки?

Да и вообще, не лишился ли он этим нелепым ударом своего самого могущественного покровителя?

Тан Шэнь во все глаза уставился на лицо Ван Чжэня. Кожа на нем была белой, гладкой, словно яшма, и никаких следов от удара не виднелось. Но ведь никто не гарантирует, что от легкой пощечины обязательно должны остаться красные полосы. Перепуганный до смерти, Тан Шэнь поспешно вскочил и залепетал:

— Старший соученик, я только что спал и совсем не соображал, что делаю. Неужели я совершил какую-то непотребную глупость?

Ван Чжэнь хранил молчание, лишь пристально разглядывал Тан Шэня.

От этого взгляда у Тан Шэня защемило под ложечкой. Быстро соображая, как исправить положение, он схватил со стола принесенную коробку:

— Недавно моя младшая сестра приехала из управы Гусу и привезла традиционные сучжоуские сладости. Я решил угостить ими старшего соученика.

Ван Чжэнь продолжал молча смотреть на него.

Тан Шэнь промолчал.

«Братец, умоляю, скажи хоть слово!»

Наконец, заметив умоляющий взгляд Тан Шэня, Ван Чжэнь произнес:

— Мы давно не виделись, и я очень соскучился по младшему соученику. Застав тебя спящим, я не хотел тебя тревожить и вошел на цыпочках. Кто же знал, что младший соученик, даже не проснувшись, ударит меня по руке. Похоже, ты совсем не желаешь быть ближе со мной...

Говоря это, он выглядел столь огорченным, будто Тан Шэнь нанес ему глубокую душевную рану.

Тан Шэнь с раскаянием произнес:

— Старший соученик, я спал и ничего не соображал, не принимай это близко к сердцу. Вовсе я не стремился отдалиться от тебя и не думал нарочно отбивать твою руку, просто во сне... — Вдруг его голос оборвался, и он удивленно округлил глаза: — Отбил твою руку?

Сдерживая улыбку, Ван Чжэнь ответил:

— Ну да. Я увидел, что младший соученик спит, и решил слегка пощекотать твои щеки кончиками своих волос, чтобы немного позабавиться и стать ближе.

Тан Шэнь даже не обратил внимания на слова о «сближении». Он уставился на Ван Чжэня, приоткрыв рот, но так и не смог вымолвить ни слова.

Глядя на его ошарашенное лицо, Ван Чжэнь больше не мог сдерживаться и громко рассмеялся.

Он с самого начала понял, что Тан Шэнь все не так истолковал, но реакция младшего соученика оказалась настолько забавной, что он нарочно позволил заблуждению зайти так далеко.

Тан Шэнь медленно закрыл рот. Внезапно он швырнул коробку с подарком обратно на стол, резко развернулся и направился к выходу.

Взгляд Ван Чжэня мгновенно стал серьезным, и он перехватил запястье Тан Шэня.

— Младший соученик.

Кому понравится, когда над ним издеваются? Тан Шэнь вспыхнул от гнева:

— Старший соученик, подарки я передал, теперь мне пора откланяться. — Договорив, он снова рванулся прочь.

Однако Ван Чжэнь крепко держал его за руку.

Тан Шэнь вскинул голову:

— Ван Цзыфэн!

Ван Чжэнь устремил на него свой чистый и ясный взор. Под этим спокойным, пристальным взглядом гнев Тан Шэня постепенно утих, и он запоздало сообразил, что повел себя непозволительно дерзко. Пожалев о вспышке раздражения, Тан Шэнь мысленно уговаривал себя: «Ладно, придется стерпеть, он мне все еще нужен». Но стоило ему собраться с духом и принести извинения, как Ван Чжэнь заговорил — и его вкрадчивый, нежный голос произнес

слова, от которых перехватило дыхание.

— Сердишься ли ты сегодня, Цзинцзэ, оттого, что я подшутил над тобой и заставил испугаться?

— Или же ты злишься на самого себя за то, что, даже испытывая гнев, не можешь дать ему волю и вынужден всячески мне потакать?

<http://bllate.org/book/18292/1754532>